

9. Ангел истории

Мы начали это небольшое исследование с упоминания недавних войн между Социалистической Республикой Вьетнам, Демократической Кампучией и Китайской Народной Республикой; а потому под конец будет вполне уместно вернуться к этой точке отсчета. Может ли что-то из того, что до сих пор было сказано, помочь нам глубже понять эту вспышку военных действий?

В «Распаде Британии» Тома Нейрна приводятся ценные слова о связи британской политической системы с политическими системами остального современного мира:

“ «Одна лишь [британская система] представляла „медленный рост в общепринятом его понимании, в отличие от других, которые были продуктом сознательного изобретения, основанного на теории“. Явившись на сцену позже, эти другие „попытались одним махом пожать плоды того опыта, который столетиями накапливало это государство, развивая свой конституционный строй“ ... Английский (а позднее британский) опыт в силу его первенства продолжал стоять особняком. Более поздние буржуазные общества, будучи вторыми и войдя в мир, где уже успешно свершилась и широко распространила свое влияние английская революция, не могли повторить этот ранний этап развития. Их ученичество и подражание породили нечто, прямо отличающееся по своей сути: подлинно современную доктрину абстрактного, или „безличного“ государства, которое именно в силу его абстрактной природы можно было в дальнейшем ходе истории копировать.

Можно, конечно, увидеть здесь обычную логику развития. Это был ранний образец того, чему впоследствии присвоили такие благородные титулы, как, например, „закон неравномерного и комбинированного развития“.

Действительные повторение и подражание — будь то в политической, экономической, социальной или технологической области — вряд ли теперь вообще возможны, ибо мир уже слишком сильно преобразован копируемой первопричиной»[375].

То, что Нейрн говорит о современном государстве, в не меньшей степени применимо и к двум понятиям-близнецам, нынешними воплощениями которых стали три вышеупомянутых социалистических страны, вошедших в военное противостояние: это понятия революции и национализма. Наверное, проще простого забыть, что эта пара, как и «капитализм» и «марксизм», представляет собой изобретения, на которые невозможно запатентовать. Они, образно говоря, прямо-таки ожидают пиратства. Из этих пиратств и только из них проистекает эта всем хорошо известная аномалия: общества наподобие Кубы, Албании и Китая, которые, будучи революционно-социалистическими, считают себя ушедшими далеко

«вперед» таких обществ, как Франция, Швейцария и Соединенные Штаты, но вместе с тем, отличаясь низкой производительностью труда, нищенским уровнем жизни и отсталыми технологиями, не менее определенно воспринимаются как «отсталые». (Отсюда меланхоличная мечта Чжоу Эньлая догнать к 2000 г. капиталистическую Британию.)

Мы уже ранее приводили справедливое замечание Хобсбаума, что «Французская революция была совершена и возглавлена не сложившейся партией или движением, в современном смысле слова, и не людьми, пытавшимися осуществить какую-то систематическую программу». И вместе с тем благодаря печатному капитализму французский опыт не просто оказался неискореним из человеческой памяти; он стал таким, что на нем можно было учиться. Из почти столетнего модульного теоретизирования и практического экспериментирования родились большевики, совершившие первую успешную «спланированную» революцию (пусть даже успех этот не стал бы возможен без предшествующих побед Гинденбурга при Танненберге и на Мазурских озерах) и попытавшиеся осуществить систематическую программу (пусть даже на практике им каждодневно приходилось импровизировать). Кроме того, кажется очевидным, что без таких планов и программ в империи, едва вошедшей в эпоху промышленного капитализма, о революции не могло быть и речи. Модель большевистской революции оказала решающее воздействие на все революции XX в., поскольку сделала их вообразимыми в обществах, даже еще более отсталых, чем Россия. (Она, так сказать, открыла возможность прерывать историю в критической ситуации.) Искусные ранние эксперименты Мао Цзэдуна доказали применимость этой модели за пределами Европы. А стало быть, можно увидеть своего рода кульминацию этого модульного процесса в случае Камбоджи, где в 1962 г. «рабочий класс» составлял во взрослом трудоспособном населении общей численностью 2,5 млн. человек менее 2,5 %, а «капиталисты» — менее 0,5 %[376].

Подобным же образом и национализм с конца XVIII в. находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляясь к разным эпохам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. В итоге эта «воображаемая общность» проникла во все мыслимые современные общества. Если для иллюстрации крайнего модульного переноса «революции» можно привлечь пример современной Камбоджи, то для иллюстрации такого же переноса национализма, вероятно, справедливо будет взять в качестве примера Вьетнам, предприняв краткий экскурс в название этой нации.

В 1802 г. Зя Лонг на церемонии своей коронации пожелал назвать свое королевство «Нам Вьет» и послал гонцов, чтобы заручиться согласием Пекина. Маньчжурский Сын Неба настоял, однако, чтобы оно называлось «Вьет Нам». Причина этой инверсии такова: «Вьет Нам» (или по-китайски Юэнань) — буквально «к югу от Вьета (Юэ)» — обозначает королевство, завоеванное семнадцать веков назад династией Хань и охватывавшее, как принято считать, территории нынешних китайских провинций Гуаньдун и Гуаньси, а также долину Красной Реки. «Нам Вьет» Зя Лонга означал, в свою очередь, «Южный Вьет/ Юэ» и тем самым содержал в себе притязание на это древнее королевство. Как пишет Александр Вудсайд, «название „Вьетнам“, поскольку оно исходило от Пекина, в целом вряд ли ценилось столетие тому назад вьетнамскими правителями так высоко, как сегодня. Будучи искусственным обозначением, оно не получило широкого хождения ни среди китайцев, ни среди вьетнамцев. Китайцы упорно цеплялись за оскорбительное танское название

„Аннам“... Со своей стороны, вьетнамский королевский двор в 1838–1839 гг. втайне придумал для своего королевства еще одно название и на этот раз не стал брать на себя труд уведомить об этом китайцев. Новое название, Дай Нам („Великий Юг“, или „Императорский Юг“), стало регулярно использоваться в документах двора и в официальных исторических компиляциях. Однако до наших дней оно не дожило»[377]. Это новое название интересно в двух отношениях. Во-первых, оно не содержит в себе «вьет»-намского элемента. Во-вторых, его территориальная референция, по всей видимости, сугубо относительна — это «юг» (Срединного царства)[378].

То, что сегодня вьетнамец гордо защищает Вьет Нам, презрительно изобретенный маньчжурским императором XIX в., заставляет нас вспомнить правило Ренана, что нации должны «много забыть» [«oublié bien des choses»], но вместе с тем, что парадоксально, напоминает нам и о присущей национализму силе воображения.

Оглядываясь назад, на Вьетнам тридцатых или Камбоджу шестидесятых, можно обнаружить, *mutatis mutandis*, много похожего: огромное неграмотное эксплуатируемое крестьянство, малочисленный рабочий класс, небольшие вкрапления буржуазии и крошечную, разобщенную интеллигенцию[379]. Ни один здравомыслящий аналитик, рассматривая объективно эти условия, не смог бы в то время предсказать, что там скоро произойдут революции и что они одержат сокрушительную победу. (Почти то же самое и по тем же самым причинам можно было бы сказать о Китае 1910 г.) Что в конце концов сделало эти революции возможными, так это «планирование революции» и «воображение нации»[380].

Политику полпотовского режима можно лишь в очень ограниченной степени приписать традиционной кхмерской культуре или жестокости, паранойе и мании величия его лидеров. У кхмеров есть свои деспоты, страдающие манией величия; стараниями некоторых из них был воздвигнут Ангкор. Гораздо более важными являются модели того, что революции вынуждены, могут, должны или не должны делать, которые были взяты у Франции, СССР, Китая и Вьетнама — и из всех книг, написанных о них по-французски[381].

Почти то же можно сказать о национализме. Нынешний национализм — наследник двух столетий исторических изменений. По всем причинам, которые я попытался коротко описать, наследие это поистине двулико, как Янус. Ибо в число наследодателей входят не только Сан-Мартин с Гарибальди, но и Уваров с Маколеем. Как мы увидели, «официальный национализм» с самого начала был осознанной политикой самозащиты, тесно связанной с консервацией имперско-династических интересов. Но едва лишь он вышел на «всеобщее обозрение», как стал таким же копируемым, как и прусские военные реформы начала XIX в., причем копируемым той же разновидностью политических и социальных систем. Одной из устойчивых черт этого стиля национализма была и остается его официальность; иначе говоря, он исходит от государства и служит, в первую очередь и прежде всего, его интересам.

Таким образом, модель официального национализма становится актуальной прежде всего в тот момент, когда революционеры успешно берут государство под свой контроль и впервые получают возможность использовать государственную мощь для воплощения в реальность

своих видений. Эта актуальность еще более возрастает вследствие того, что даже самые радикальные революционеры всегда в какой-то степени наследуют государство у поверженного режима. Некоторые из элементов этого наследия имеют символический характер, но не теряют от этого своей важности. Несмотря на смутные опасения Троцкого, столица СССР была возвращена в старую столицу царского режима, Москву; и на протяжении более 65 лет вожди КПСС творили свою политику в Кремле, древней цитадели царизма — выбрав ее из всех возможных мест на огромной территории этого социалистического государства. Аналогичным образом, столицей КНР стала бывшая столица Маньчжурской династии (тогда как Чан Кайши перенес ее в Нанкин), и вожди КПК заседают в Запретном городе, где раньше правили Сыны Неба. На самом деле, было очень мало социалистических руководств (если вообще таковые были), которые не воспользовались шансом вскарабкаться на эти обветшалые теплые места. Кроме того, на менее очевидном уровне победившим революционерам достается в наследство «переплетение проводов» старого государства: иногда функционеры и информаторы, но всегда — документация, досье, архивы, законы, финансовые ведомости, переписи, карты, договоры, корреспонденция, меморандумы и т. д. Подобно сложной системе электропроводки, существующей во всяком крупном особняке, покинутом бежавшим прежним владельцем, государство только и ждет, когда рука нового хозяина повернет наконец выключатель и вернет ему его старое великолепное «я».

Поэтому не следует слишком уж удивляться, когда революционное руководство сознательно или неосознанно начинает исполнять роль хозяина поместья. Здесь мы имеем в виду не просто самоидентификацию Джугашвили с Иваном Грозным, открытое восхищение Мао тираном Цинь Ши-хуанди или возрождение Иосифом Броз Тито руританской[382] помпы и церемониальности[383]. «Официальный национализм» проникает в стилистику послереволюционного руководства гораздо более вкрадчиво. Я имею в виду, что такое руководство с необыкновенной легкостью усваивает мнимую национальность (nationalnost) прежних династических монархов и династического государства. В удивительном попятном движении династические монархи, зная ничего не знавшие о «Китае», «Югославии», «Вьетнаме» или «Камбодже», вдруг становятся националами (пусть даже не всегда «достойными»). Из этой аккомодации неизменно вытекает тот «государственный» макиавеллизм, который так характерен для послереволюционных режимов, в отличие от революционных националистических движений. Чем более натурализуется древнее династическое государство, тем более способен его древний наряд укутать революционные плечи. Образ Ангора короля Джайявармана VII, красующийся на флаге марксистской Демократической Кампучии (а также на флагах марионеточной республики Лон Нола и монархической Камбоджи Сианука), — это не ребус преклонения перед прошлым, а символ власти[384].

Я делаю особый акцент на руководстве, потому что не народ, а именно руководство наследует старые пульты управления и дворцы. Никто, как мне кажется, не представляет в своем воображении, будто широкие массы китайского народа придают хоть какое-нибудь значение происходящему на колониальной границе между Камбоджей и Вьетнамом. И вообще невероятно, чтобы сами кхмерские и вьетнамские крестьяне желали войн между своими народами или чтобы с ними кто-то по этому вопросу советовался. Это были в самом прямом смысле «канцлерские войны», в которых мобилизация массового национализма

происходила в основном post factum и всегда на языке самозащиты. (Отсюда особенно низкий народный энтузиазм по этому поводу в Китае, где этот язык был менее всего правдоподобен, даже под светящейся неоновой вывеской «советского гегемонизма»[385].)

При всем при том Китай, Вьетнам и Камбоджа ничуть не уникальны[386]. А потому у нас мало оснований надеяться, что пример войн между социалистическими странами, поданный ими, не найдет дальнейшего продолжения, или что воображаемое сообщество социалистической нации будет вскоре распродано по дешевке. Между тем, нельзя ничего сделать для сдерживания или предотвращения этих войн, пока мы не откажемся от таких фикций, как «марксисты по сути своей не националисты» или «национализм — патология современного развития», — и не станем вместо этого медленно и терпеливо изучать реальный и воображаемый опыт прошлого.

Вальтер Беньямин писал об Ангеле Истории:

“ «Его лицо обращено в прошлое. Там, где мы воспринимаем цепь событий, он видит одну сплошную катастрофу, которая складывается в груды крушения, одно поверх другого, и бросает все это к его ногам. Ангел и рад бы остановиться, разбудить мертвых и воссоединить то, что было разбито. Но из Рая дует штормовой ветер; он бьет в его крылья с такой силой, что ангел уже не в состоянии их сложить. Этот ураган неумолимо несет его в будущее, к коему он обращен спиной, а тем временем груды обломков перед его глазами вырастают высотой до неба. Этот ураган и есть то, что мы называем прогрессом»[387].

Но Ангел бессмертен, а наши лица смотрят в лежащую впереди темноту.

Версия #1

Зверобой создал 12 апреля 2025 23:35:07

Зверобой обновил 12 апреля 2025 23:36:32